

Вадим Викторович Дементьев – доктор филологических наук, профессор Саратовского университета. Его книга, как указывает сам автор, является во многом итоговой, подводящей некоторую, конечно, условную черту под ведущимися уже три десятилетия, в основном в СССР и России, исследованиями по речевым жанрам. В.В. Дементьев, являющийся одним из ведущих специалистов в этой области, подробно обсуждает и обобщает разнообразные проблемы, с которыми сталкивались и продолжают сталкиваться лингвисты при изучении речевых жанров.

Теория речевых жанров начала складываться в СССР в начале 80-х гг. под влиянием публикации работы М.М. Бахтина «Проблема речевых жанров», написанной в 1952–1954 гг., но изданной лишь в конце 1970-х годов. В книге В.В. Дементьева показано, что это лингвистическое направление развивается во многих городах России: упоминаются Саратов, Волгоград, Екатеринбург, Красноярск, Новосибирск, Омск, Тверь, Краснодар, Пермь, Орел, Воронеж, Иркутск и др., тогда как Москва и Санкт-Петербург не занимают здесь ведущего положения. В ряде городов сложились научные школы.

М.М. Бахтин выдвинул обобщенное понятие речевого жанра, ранее изучавшегося только как литературный жанр. Он писал: «К речевым жанрам мы должны отнести и короткие реплики бытового диалога..., и бытовой рассказ, и письмо..., и короткую стандартную военную команду, и развернутый и детализированный приказ, и довольно пестрый репертуар деловых документов (в большинстве случаев стандартный), и разнообразный мир публицистических выступлений..., но сюда же мы должны отнести и многообразные формы научных выступлений и все литературные жанры (от поговорки до многотомного романа)» [Бахтин 1996: 159–160]. Речевые жанры «для говорящего индивидуума... имеют нормативное значение, не создаются им, а даны ему» [Там же: 183]; «речевые жанры даны нам почти так же, как дан родной язык» [Там же: 181]. Эти положения ученого получили развитие в теории речевых жанров.

В.В. Дементьев указывает, что теория речевых жанров тесно соприкасается с рядом других лингвистических направлений, сформировавшихся одновременно с ним или несколько раньше во второй половине XX века. Это теория речевых актов, прагматика, дискурсивный анализ, лингвистика текста, когнитивная лингвистика и др. Каждое из этих направлений имеет свой круг исследователей, однако границы

между ними нечетки, изучаемые проблемы пересекаются, и нередко создается впечатление, что в разных терминах говорится об одном и том же. Как констатирует В.В. Дементьев, особенно часто разновидностями одной и той же дисциплины считают теорию речевых актов и теорию речевых жанров. При разных истоках и времени появления все направления отражают определенный этап в развитии мировой лингвистики.

Господство структурализма, по верному замечанию В.В. Дементьева, «было не лучшее время для изучения речевых жанров – как и речи в целом» (с. 21). И в годы, когда М.М. Бахтин работал над «Проблемой речевых жанров», наука о языке была сосредоточена на изучении языковой структуры, игнорируя все, что Ф. де Соссюр называл речью. Кризис структурной парадигмы, обозначившийся ко второй половине 50-х годов, привел к формированию новых подходов к языку. Одним из них стал генеративизм, который, однако, также не стал заниматься проблемами, отнесенными Н. Хомским к «употреблению», в том числе речевыми жанрами. Но примерно в то же время Дж.Л. Остин выдвинул теорию речевых актов, а ранее введенное Ч.У. Моррисом понятие прагматики начало активно разрабатываться. Постепенно стали развиваться вышеупомянутые направления лингвистики, по-разному выходявшие за пределы изучения языка в смысле Ф. де Соссюра.

Но, как часто бывает в период становления новых научных парадигм, развитие теории опережало развитие методов. Принципиально новые идеи, как правило, не получали (и нередко не получили до сих пор) адекватных методов для их подтверждения. Это хорошо видно, например, в исследованиях языковых картин мира. Это же свойственно и теории речевых жанров. М.М. Бахтин выдвинул существенные идеи, которые постоянно обсуждаются в рецензируемой книге, но не предложил, например, никаких критериев отграничения одного речевого жанра от другого, о чем уже писал автор данной рецензии [Алпатов 2005: 321]; признает это и В.В. Дементьев (с. 157).

Естественным в таких условиях было обращение к уже существующим методам изучения языка. Скажем, исследователи связного текста первоначально занимались языковыми средствами связи предложений (анафорические местоимения, союзы и др.), но скоро стало ясно, что связность текста может обеспечиваться и при отсутствии таких явных средств. Как показано в книге, текст почти невозможно изучать, опираясь только на язык, но вопрос о

том, что еще привлекать, решается по-разному. То же происходит и с изучением речевых жанров. В.В. Дементьев выделяет два наиболее развитых его направления: лингвистическое и прагматическое изучение. Лингвистическое направление в основном сводится либо к синтагматическому изучению реплик разного типа в речевой цепи, либо к толкованию названий речевых жанров. Такого рода исследования, по мнению В.В. Дементьева, упрощают данные проблемы и затрагивают лишь отдельные их аспекты, поэтому «сегодня найдется не так уж много сторонников данного направления» (с. 52). Скажем, важнейшее для теории речевых жанров разграничение прямой и не прямой коммуникации может никак не проявляться в языковых явлениях, тем не менее носители языка умеют их различать.

Более перспективным автор книги считает прагматический подход к речевым жанрам, направленный на изучение диалога и коммуникативной ситуации (тогда как лингвистический подход монологичен и не учитывает роль адресата); здесь также используются идеи М.М. Бахтина. Однако данный подход зачастую изучает не столько речь, сколько социальное взаимодействие, и «исследуются не собственно речевые жанры, а жанры ситуативные, поведенческие и другие» (с. 54).

В книге дается очень подробный обзор появившихся в СССР и России за три последних десятилетия работ по речевым жанрам. В этом ее безусловное достоинство, тем более что большинство их публиковалось в провинциальных сборниках и ученых записках или представляло собой докторские и кандидатские диссертации, чаще защищавшиеся не в центре (на с. 64–65, 69–71 приводится список из 27 диссертаций, защищенных в 1990–2000-е гг. в Саратове, и 47, защищенных за эти же годы в Волгограде). Такие работы с трудом доходят и до Москвы, не говоря уже о других странах. Например, автор рецензии должен признать, что его попытка обзора современных исследований по речевым жанрам [Алпатов 2005: 392–398] была недостаточно представительной, что справедливо отметила Т.В. Шмелева [Шмелева 2007: 62].

Однако в книге не рассматривается естественно возникающий вопрос: в какой степени все эти отечественные исследования связаны с мировой наукой? Из иностранных авторов у В.В. Дементьева постоянно присутствует лишь А. Вежбицка, которая, хотя и живет далеко от России, но уже давно как бы признана в российской науке «своей»; впрочем, по его мнению, она, хотя и активно использует работы М.М. Бахтина, обратившись к ним одной из первых, но, занявшись «кросскультурным»

изучением жанров, далеко отошла от его подхода (с. 9–10). Но время от времени упоминаются и другие иностранные авторы, более всего немецкие и польские, однако степень развития жанровых исследований в мире из книги неясна. Создается все же впечатление того, что теория речевых жанров – в основном российское явление, отчасти захватывающее страны, культурно связанные с Россией, а, например, в англоязычной науке соответствующие проблемы изучаются в рамках концепций, выдвинутых на своем для нас языке: теории речевых актов, прагматики, дискурсного анализа.

Специальная глава книги посвящена месту жанра в речевой системности. Идея системности речи (отрицавшейся Ф. де Соссюром) была еще в 30-е гг. выдвинута А. Гардинером. Поисками такой системности занимаются все направления, упомянутые выше, но очень по-разному. Как отмечает В.В. Дементьев (с. 78), во многих отечественных работах жанр признается основной единицей организации дискурса, но и у нас, и еще чаще на Западе опираются совсем на другие понятия (их список приводится на с. 83). Замечу, что в книге определения понятия *дискурс* не дается (даже в предметном указателе нет ни одной ссылки на упоминание *дискурса* вообще, говорится лишь о его видах), но, как мне представляется, под дискурсом в ней может пониматься либо речь вообще, либо ее конкретное воплощение. В последнем случае синонимом дискурса выступает *текст*.

Каждый текст, если он используется в процессе коммуникации, должен быть интерпретирован; для этого, наряду с системой языка, используются разные опознаватели, среди которых важнейшую роль играют речевые жанры. В книге вводится базовое разграничение прямой и не прямой коммуникации: прямая коммуникация непосредственно основана на системе языка, а не прямая коммуникация либо обращается к нестандартным языковым средствам, либо вообще не опирается на систему языковых значений и значимостей. Не прямой коммуникации были посвящены две предшествующие книги [Дементьев 2000; 2006] и докторская диссертация того же автора.

К не прямой коммуникации относятся многие уже достаточно известные и изученные явления: косвенные речевые акты, имплицитность, эвфемизмы, тропы, ирония и т.д. Многие ее способы конвенционализированы с помощью стандартных языковых средств: в грамматиках японского языка специально указывают, что формы отрицательного вопроса чаще обозначают косвенное повеление; это же свойственно и русскому языку (*Не могли бы вы открыть окно?*). Но таких средств может и не быть, од-

нако правильная интерпретация не прямой коммуникации может достигаться и иными способами, в том числе через речевые жанры, среди которых немало количество ориентированных на непрямую коммуникацию (косвенные речевые жанры); их анализу посвящена значительная часть рассматриваемой книги. Рассмотрены и некоторые речевые жанры, связанные с прямой коммуникацией, прежде всего этикетные.

Понятие речевого жанра анализируется в книге с точки зрения его соотношения со смежными понятиями, вводившимися в других направлениях современной лингвистики или еще раньше. Речевой жанр соотносится с коммуникативным жанром (более широкое понятие, включающее и виды невербального общения), речевым актом (по мнению В.В. Дементьева, речевые акты – наиболее простая разновидность речевых жанров), стилем, речевым событием (по Д. Хаймсу).

Все эти соотношения (понимаемые разными авторами по-разному) ставят вопрос: «От каких смежных явлений *должен быть отграничен* речевой жанр?» (с. 125). Этот вопрос, как показывает В.В. Дементьев, решается при очень большом разбросе мнений; в том числе существуют «расширяющая» и «сужающая» тенденции выделения жанров. Для его решения необходимо рассмотреть вопрос об основаниях классификации речевых жанров, чему посвящена следующая глава книги.

М.М. Бахтин, не дав какой-либо четкой классификации речевых жанров, тем не менее предложил два важных основания для нее: 1) выделение первичных (простых, обычно относящихся к бытовой сфере) и вторичных (сложных, свойственных прежде всего художественной литературе); 2) выделение стандартизированных жанров вроде приветствия и поздравления и более свободных жанров. Затем предлагались и другие классификации, у нас наиболее известны классификации Т.В. Шмелевой и Н.Д. Арутюновой (последняя основана на теории речевых актов, но может быть применена и к жанрам). Кроме того, многие авторы, используя идеи Р. Якобсона, выделяют жанры информативной речи и жанры фатической речи, ориентированные соответственно на сообщение и общение; фатические жанры всегда косвенны. Еще одно важное разграничение введено для косвенных актов саратовской исследовательницей О.Б. Сиротиной: это конвенциональные жанры, которые «диктуют адресату речи четкую интерпретацию коммуникативных намерений адресанта» (с. 161), и неконвенциональные, лишенные этого свойства; лишь для конвенциональных жанров можно говорить о правильном или не-

правильном их понимании. Существуют также эмпирические классификации жанров для конкретных речевых культур, в частности, русской; первой была классификация М.В. Панова, предложившего ее в 1962 г. независимо от М.М. Бахтина, позже появилась классификация А. Вежбицкой.

Все эти классификации отражают некоторую реальность, однако не только недостаточно детальны и охватывают не все случаи, но и могут быть уязвимы для критики. Например, классификации Н.Д. Арутюновой и Т.В. Шмелевой «являются... ярко выраженными “дедуктивными классификациями”»: типы речевых жанров выделяются в них ДО обращения к конкретному речевому материалу», а их слишком общий характер «затрудняет их использование в качестве рабочего инструментария на практике» (с. 155). В книге показано, что «поиск адекватного основания классификации» и поныне составляет трудность, которая не преодолена, а многие жанры «трудно свести воедино» (с. 163). Далеко от окончательного решения вопроса и В.В. Дементьев, который лишь активно пользуется одними разграничениями (жанры информативной – фатической речи, конвенциональные – неконвенциональные жанры) и избегает других, например, классификации Т.В. Шмелевой (информативные, императивные, этикетные, оценочные жанры), которая, впрочем, частично пересекается с другими.

Неясность общего подхода отражается и при выделении конкретных жанров. Их может выделяться очень много: на с. 261 упомянут список из 3945 жанров, выделенных для немецкого языка зарубежным автором. В книге приводится список из 295 жанров, выделявшихся в известных автору публикациях на русском языке (с. 294–304). Перечисленные по алфавиту, они производят впечатление крайней разнородности, нередко, видимо, по-разному именуются одни и те же жанры. Характерно, что и В.В. Дементьев иногда противоречит сам себе. Например, на с. 144 он, выступая против излишнего расширения границ понятия «речевой жанр», в числе необоснованно выделяемых жанров называет *рекламу*. Но далее он упоминает рекламу как речевой жанр (с. 273, 283, 284); в том числе на с. 273 реклама отнесена к жанрам, которые «прекратили существование насильственным или искусственным образом в СССР».

Безусловно, отсутствие критериев определения того, где мы имеем дело с одним жанром, а где с двумя, не является основанием для отказа от эмпирической работы по выделению жанров. Где-то жанры имеют строгую структуру (стандартизированные жанры, по М.М. Бахтину), где-то пока что приходится руководствоваться

здравым смыслом и интуицией. Так поступает наука о языке и во многих других случаях.

Помимо постановки общей проблемы, В.В. Дементьев рассматривает и отдельные типы речевых жанров, прежде всего фатические типы, при которых передаваемая информация имеет меньшее значение, чем установление и поддержание взаимоотношений между собеседниками. Здесь он также опирается на идеи М.М. Бахтина, высказывая спорное, но любопытное мнение: «Есть все основания утверждать, что Бахтин понимал диалог прежде всего как диалог *фатический* (хотя и не использовал этого термина): все интересы собеседников сосредоточены друг в друге, предмет речи вторичен» (с. 210).

На с. 215 автор книги строит схему, позволяющую классифицировать все известные фатические жанры по двум параметрам: степени межличностной близости (на одном полюсе – унисон, на другом – диссонанс) и степени косвенности (например, минимальной при *обвинении* и максимальной при *розыгрыше*). Нацеленность на близость при малой косвенности дает жанры *разговора по душам* и *комплимента*, та же нацеленность при большой косвенности – жанры *шутки* и *флирта*, нацеленность на диссонанс при малой косвенности – жанры *обвинения*, *оскорбления*, *ссоры*, а при большой косвенности – *розыгрыша*, *издёвки*, *похвалы*. Нейтральность обоих параметров дает то, что В.В. Дементьев называет *праздноречивыми* жанрами, чаще именуя их английским термином *small talk*, подчеркивая этим их нехарактерность для русской речевой культуры. Разумеется, эта классификация дает лишь частичное разграничение жанров, например, *шутка* и *флирт* – не одно и то же (ниже параметры для их разграничения не вводятся, но дается содержательное объяснение того, чем они разграничиваются). Вероятно, следовало бы учитывать и степень фатичности: скажем, для *оскорбления* она выше, чем для *обвинения*, где существенно и то, в чем обвиняется адресат. Но все же какие-то основания классификации даны. Все эти жанры изучаются на конкретных примерах из художественной литературы и записей живой речи.

Часть этих же жанров – *разговор по душам*, *светская беседа*, *флирт*, а также не вполне фатический жанр *анекдота*, более подробно рассматривается в последней главе книги, наибольшей по объему. Автор книги ставит проблему создания «энциклопедии речевых жанров» и рассматривает эту часть исследования как материалы для нее. Три первых жанра рассмотрены на основе материала российской и русскоязычной зарубежной прессы 1992–2009 гг., собранного и обработанного при помощи корпусно-

поисковой системы «Integrum»; привлекается и материал художественной литературы. Базой для изучения жанра анекдота послужил редко у нас используемый материал журнала «Крокодил» (раздел «Улыбки разных широт») 70-х гг. Подробно изучены разные аспекты каждого из жанров, в частности, их национальная специфика. Жанр разговора по душам важен и специфичен именно для русской культуры, тогда как жанр светской беседы до последнего времени не был для нас органичен, и лишь в два последних десятилетия, особенно в 2000-е гг., начал заметно распространяться, причем ключевые слова *свет* и *светский* начали вытесняться новыми квазисинонимами *гламур* и *гламурный* (процесс еще далек до завершения); в книге даются статистические данные по системе «Integrum». Исследован также гендерный аспект: если *флирт*, естественно, предполагает общение мужчины с женщиной, то *разговор по душам* в русской культуре в большинстве случаев – жанр подчеркнуто мужской.

Изучение жанра анекдота сейчас стало популярным, однако оно (по крайней мере, в России) обычно оказывается излишне политизированным: основное внимание уделяется содержанию анекдотов (преимущественно политических), а не их речевой форме. В.В. Дементьев в целом избегает такого уклона, чему способствует выбор источника материала (анекдоты в советской «подцензурной» печати многие игнорируют). Помимо изучения структуры анекдота, его исследование опровергает мнение, когда-то высказанное В. Раскиным, о том, что по содержанию анекдоты могут быть только сексуальными, этническими и политическими: даже в материале «Крокодила», где по понятным причинам именно данные их виды ограничивались, «представлено почти полное типологическое многообразие анекдотов» (с. 453). К сожалению, излишняя политизация в ряде случаев свойственна и В.В. Дементьеву, не всегда имея отношение к делу (с. 230, 334, 363, 365, 387–388, 395–396, 437, 453 и др.).

Остановлюсь лишь на уже приводившемся тезисе об отсутствии рекламы в СССР. Не говорю о 20-х гг., когда к этому жанру были причастны В.В. Маяковский и другие видные писатели. Но и позже всякие формулы вроде *Вкусно, питательно, купите обязательно* (о зернистой икре) или *На сигареты я не сетую, сам курю и вам советую* (несмотря на борьбу с курением, было и такое) все-таки относились к рекламе и ни к чему другому. Торговая реклама не обязательно связана со стремлением заставить адресата покупать мои товары, а не товары конкурента (хотя в годы НЭПа бывало и такое, причем лучшие авторы помогали именно государству бороться с конкуренцией нэпманов). Еще

одна причина, игравшая особую роль именно в СССР, – желание научить адресата употреблять тот или иной товар, например, обратить внимание курильщика папирос на то, что существуют сигареты, в то время новый вид товара.

Но все это далеко не главное в книге, как и имеющиеся в ней мелкие погрешности. Например, употреблявшийся В.Н. Волошиновым в отношении В. фон Гумбольдта и его последователей термин *индивидуалистический субъективизм* на с. 20 превратился в «субъективный идеализм», что не одно и то же (кстати, в привычной в советское время классификации Гумбольдт был как раз объективным идеалистом). На с. 155–156 к «последователям Бахтина» отнесен М.В. Панов, хотя в 1962 г., когда он предложил свой список русских речевых жанров, он не мог знать об идеях, изложенных в хранившейся в Саранске рукописи. Ф. де Соссюру приписывается утверждение о том, что «на оси времени (т. е. в речи) нет системы» (с. 77), хотя метафора «ось времени» касается не речи, а диахронии в языке (по Соссюру, системы нет ни там, ни там, но это разные вещи). Иногда существенная мысль высказывается в слишком категоричной форме. Например, «противопоставление фатики и информатики признается чрезвычайно существенным практически всеми языковедами мира» (с. 209). Может быть, отрицают это противопоставление и немногие, но огромное число лингвистов просто не думают о нем, занимаясь иными проблемами.

Важнее вопрос о том, что дала науке теория речевых жанров и каковы ее перспективы. Об этом говорится во введении и этому специально посвящена предпоследняя глава книги, названная «Жанроведение в XXI в.: перспективные направления»; в главе, впрочем, затрагивается и другой вопрос: о формировании новых речевых жанров, связанных с компьютеризацией.

Оценки В.В. Дементьева двойственны. С одной стороны, история теории речевых жанров «ознаменовалась целым рядом важных достижений на пути осмысления функционирования языка и речевой системности» (с. 7), а появившиеся в самые последние годы работы, посвященные ранее не рассматривавшимся аспектам этой теории, «свидетельствуют о здоровье науки: актуальности и динамическом развитии» (с. 17). С другой стороны, «общий интерес к РЖ (речевым жанрам. – В. А.) в лингвистике действительно уменьшился» (с. 248), и «в современных исследованиях... само понятие “жанр” в значительной степени смещается на периферию, будучи вытеснено очень активно развивающимися, ориентированными на западные традиции концепциями, прежде всего когнитивными и лингвокультурологическими» (с. 248–249). Кроме того, «исследования по ре-

чевым жанрам, осуществляющиеся в последнее время, в значительной степени отказываются от глобальных объясняющих моделей» и «ограничиваются фиксацией системности именно на отдельных – как правило, достаточно маленьких – участках речежанрового пространства» (с. 12). В.В. Дементьев упоминает, что «нечто подобное (десятилетием-двумя раньше и, пожалуй, в более явном виде) произошло с теорией речевых актов, прагматикой, прагмалингвистикой» (с. 17). И там период больших ожиданий сменился разочарованием, а «на смену универсализму приходят атонизм, схематизм» (с. 18), что еще в начале 1990-х годов отмечала Т.Г. Винокур.

В.В. Дементьев пишет, что «смотрит на историю отечественного жанроведения “изнутри”» (с. 15) и поэтому не всегда может быть объективен. Если же взглянуть на эту историю извне, то бросаются в глаза, пожалуй, три момента. Во-первых, ученые разных стран, школ и традиций в течение уже более чем полувека в разной системе терминов или вовсе без системы обращаются к одним и тем же проблемам, до того долго игнорировавшимся лингвистикой, но исключительно важным. Этот процесс закономерен и, безусловно, будет продолжаться.

Во-вторых, у исследователей, даже принадлежащих к одной научной школе, очень мало единства, а научные направления довольно быстро сменяют друг друга. Пережили расцвет и стали угасать теория речевых актов и прагматика, то же, возможно, происходит и с теорией речевых жанров (правда, В.В. Дементьев отмечает, что с 2006 г. количество публикаций стало вновь увеличиваться), зато стала влиятельной когнитивная лингвистика. Тут могут влиять и экстранаучные обстоятельства: созданные на отечественной почве направления науки сейчас нередко вытесняются англоязычными аналогами. Но в любом случае дело не только в этом. Создается впечатление, что ученые ищут более или менее одну и ту же истину, подступая к ней с разных сторон, разочаровываются в одной попытке и предпринимают новую. Сейчас В.В. Дементьев считает наиболее перспективным в XXI в. развитие теории речевых жанров в сторону сближения с лингвокультурологией, разработки проблемы «жанр и культура». Возможно, такое развитие продлит существование жанроведения, а, может быть, в результате появится еще какое-то совсем новое направление.

В-третьих, такое далеко не гладкое развитие данных лингвистических дисциплин явно связано с неразработанностью научных методов, о чем уже говорилось в начале рецензии. В.В. Дементьев хорошо показывает недостаточность для изучения речи методов, разработанных ранее лингвистикой для изучения язы-

ка. Безусловно, это связано с гораздо большей сложностью и неоднородностью речевых явлений по сравнению с языковыми. Лингвистика и до Ф. де Соссюра стремилась выделить из множества феноменов наиболее регулярные и очевидные, а структурализм лишь эксплицировал это стремление. Но настало время расширять объект изучения, и тут сразу встают вопросы метода. Методы других наук, во-первых, могут подменить лингвистический анализ чем-то другим, во-вторых, часто они также не разработаны.

Что можно здесь предложить? Безусловно, сильной стороной подхода В.В. Дементьева является умение детально анализировать конкретный речевой материал. Показателен подробный анализ рассказа В. Шукшина «Медик Володя» (с. 228–235). Автор книги изучает его с точки зрения нарушения персонажами правил речевого жанра (в данном случае, светской беседы, затем переходящей во флирт). Анализ значительно отличается от лингвистического, но очень похож на литературоведческий (хотя аналогичным образом могла бы изучаться и запись живой речи; материал рассказа удобен лишь тем, что, помимо диалога, в нем содержится и внутренняя речь героя). Исследователь реконструирует намерения персонажей, сверяет их реплики с эталоном светской беседы и фиксирует отклонения, показывает постепенный и неожиданный для самого героя рассказа переход от одного жанра к другому. С точки зрения лингвиста анализ нестрог и субъективен, вероятно, другой исследователь речевых жанров мог бы провести его по-другому (а лингвистика привыкла, по крайней мере, в идеале требовать проверяемости и повторяемости анализа), но этот анализ выглядит разумным и убедительным. Во всяком случае, проверку критерием здравого смысла он выдерживает.

Пока неясно, сможет ли изучение речи выработать более строгие методы или же их принципиально не существует. Полвека назад считалось, что выработка математических методов

для любой гуманитарной науки – вопрос времени. Точка зрения, согласно которой в лингвистике строгие методы применимы лишь там, где «элементами структуры являются чистые отношения» (фонология, отчасти грамматика) [Абаев 2006: 103], высказанная в 1960 г., тогда казалась анахронизмом, теперь ее рассматривают всерьез. Но дисциплина, не обладающая строгим методом, всегда будет вызывать неудовлетворенность (в том числе у самих ее представителей) из-за субъективности и произвольности, а выводы могут оказаться слишком далеко идущими. И все же нужны и поиски методов изучения речи, и тем более необходима сама лингвистика речи. Ее направления, включая теорию речевых жанров, уже дали интересные результаты, а рецензируемая книга позволяет читателю с ними познакомиться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абаев 2006 – В.И. Абаев. Статьи по теории и истории языкознания. М., 2006.
Алпатов 2005 – В.М. Алпатов. Волошинов, Бахтин и лингвистика. М., 2005.
Бахтин 1996 – М.М. Бахтин. Собрание сочинений. Т. 5: Работы 1940-х – начала 1960-х годов. М., 1996.
Дементьев 2000 – В.В. Дементьев. Непрямая коммуникация и ее жанры. Саратов, 2000.
Дементьев 2006 – В.В. Дементьев. Непрямая коммуникация. М., 2006.
Шмелёва 2007 – Т.В. Шмелёва. Жанроведение? Генристика? Генология? // Антология речевых жанров. М., 2007.

В.М. Алпатов

Сведения об авторе:

Владимир Михайлович Алпатов
Институт востоковедения РАН
v-alpatov@ivran.ru